

PERFECTLY IMPERFECT SERIES

Broken
whispers

NEVA ALTAJ

Серия «Идеально неидеальные»

НЕВА АЛТАЙ

Прерывистый
шепот

Книга 2

Ростов-на-Дону

2025

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сер)6
КТК 611
А52

Все права защищены. Ни одна часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без разрешения издателя, за исключением случаев, предусмотренных законом США об авторском праве.

Это произведение художественной литературы. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в художественных целях. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или жившими ранее, событиями или местами абсолютно случайно.

Перевод с английского Яны Гилявской

Алтай, Нева.
А52 Прерывистый шепот : книга 2 / Нева Алтай ; пер. с англ. Яны Гилявской. — Ростов н/Д : Феникс, 2025. — 249, [6] с. — (Идеально неидеальные).

ISBN 978-5-222-41732-4

Бьянка готова на все ради своей сестры... даже выйти замуж за члена русской мафии — Михаила. Самый страшный монстр Братвы так долго любил ее издали, и наконец она полностью принадлежит ему. Но не сбежит ли она, когда узнает, кто он на самом деле?

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Сер)6

ISBN 978-5-222-41732-4

Copyright © Neva Altaj, 2023
© Гилявская Я., перевод, 2024
© ООО «Феникс», оформление, 2024
© Оригинальный дизайн обложки
Deranged Doctor Design
© В книге использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

Предисловие автора

В данной книге американский язык жестов зачастую используется как средство общения. Хотя структура предложений классического языка жестов значительно отличается от разговорного, я позволила себе творческую вольность и заставила диалоги на языке жестов следовать правилам грамматики американского английского для более легкого понимания сюжета. Надеюсь, вы не будете против такого решения.

Важная информация

Пожалуйста, примите во внимание, что эта книга содержит сцены, которые могут быть шокирующими для определенной аудитории: детальное описание домашнего насилия и пыток (но ни то ни другое не происходит между героем и героиней).

Пролог

12 лет назад

Михаил

Вдруг звук открывающейся двери пронзает мое затуманенное сознание. Вскоре следует странное ощущение, как будто все происходит в замедленной съемке. И лишь незнакомые голоса тихо перешептываются где-то вдалеке, постепенно становясь все громче, пока наконец я не слышу нетерпеливые крики.

Слева от меня раздается хрип:

— Боже милостивый.

Я пытаюсь открыть глаза, но тщетно. Требуется еще немало попыток, чтобы разлепить веки, но все равно я могу разглядеть лишь нечеткие силуэты.

И затем следует боль.

Такое чувство, словно в меня вонзаются тысячи ножей, загоняя свои острые лезвия глубоко под кожу. Резкая, обжигающая боль охватывает все тело.

Задыхаясь от боли, я пытаюсь заговорить, но выходит только изможденный хрипящий вздох. И снова тьма подступает вплотную, звуки постепенно затихают, и силы покидают меня. Последнее, что я помню, — обрывки фраз, которые проникают в мое угасающее сознание, а дальше пустота, ничего не остается. Одна только боль.

— Роман! Михаил еще жив!

— О боже... Прижми что-нибудь к его лицу...

— Не думаю, что он выживет...

— Кто-нибудь еще остался?

— Нет, они все мертвы.

Глава 1

Наши дни

Михаил

В безлюдном фойе Чикагского оперного театра звук моих шагов отдается эхом, смешиваясь с тихой мелодией легендарного балета «Лебединое озеро», доносящейся из прохода слева от меня. Поскольку представление уже началось, вход в зал свободный. Я киваю охраннику, затем, свернув, иду в конец длинного фойе, где находится двойная деревянная дверь. Там на стене висит афиша, которая привлекает мое внимание.

Они изменили фотографию. На предыдущей была изображена вся труппа в момент их совместного прыжка, снятая издали так, что была видна вся сцена. Однако новая — увеличенная — фотография изображает лишь одну танцовщицу. Я шагаю вперед, пока не оказываюсь достаточно близко. Не задумываясь,

я поднимаю руку и провожу по контурам ее лица: острым скулам, нежным розовым губам, вниз по ее лебединой шее, а затем вверх к четкой линии ее глаз, которые, кажется, смотрят прямо на меня. Текст большими буквами вверху афиши сообщает, что сегодняшнее вечернее шоу — последнее представление. Похоже, сезон закрывается.

Иногда я представляю, как подхожу к ней, возможно после одного из ее выступлений. Мы обмениваемся парой слов, и я приглашаю ее на ужин в какое-нибудь уютное заведение в центре города. Ничего особенного, но только там подают самое лучшее вино, и... Я тут же опускаю руку, увидев в стекле свое отражение, чувствуя, что мое прикосновение как-то осквернило ее. Я думаю, что таким, как я, отвратительным внутри и снаружи, не должно быть позволено находиться рядом с таким совершенством, как она.

Я осторожно открываю большую деревянную дверь и тихо проскальзываю внутрь. В помещении довольно темно, освещена только сцена, но я все равно стараюсь держаться там, куда не сможет проникнуть ни один лучик света. Я постоянно проявляю крайнюю осторожность, когда дело касается ее. Я всегда забочусь о том, чтобы прийти уже после начала выступления и уйти прежде, чем оно закончится. Лучше мне держаться в тени. Да уж, сказать, что я не сливаюсь с толпой, было бы преуменьшением.

Меня никогда особо не волновала моя внешность. В моей профессии чем более устрашающе ты выглядишь, тем легче заставить людей говорить. Иногда достаточно мне просто войти в комнату, как они сами всё выкладывают на блюде. Ну и, конечно, моя репутация тоже помогает.

Обычно было непросто найти кого-нибудь, чтобы поразвлечься, но в этом деле внешность не играет особой роли. Многие девушки из нашего круга горели желанием заманить меня в свою постель, но, как только я излагал им свои правила, они становились куда менее страстными: полностью раздеваться не обязательно, строго сзади и никаких прикосновений.

Люди реагировали на мою внешность по-разному. Большинство старались не смотреть прямо мне в глаза. Другим нравилось разглядывать меня. Меня вполне устраивал любой из этих подходов.

Так почему же сейчас меня должно это волновать? Почему я как псих прячусь по темным углам, преследуя девушку, которую видел всего раз? Кажется, я теряю рассудок, но вдруг звук скрипки возвращает меня в реальность, и мой взгляд снова приковывается к сцене. По правде говоря, я ничего не смыслю в музыке, но еще не пропустил ни одного ее выступления, и теперь я точно знаю, когда ее выход. И когда я вижу, как легко она скользит по сцене, у меня сразу же перехватывает дыхание.

Она словно видение, кружащееся по сцене в своей длинной фатиновой юбке, и я как зачарованный слежу за каждым ее движением. Ее светло-русые волосы собраны в тугий пучок, но, вместо того чтобы придать ей строгий вид, затейливая прическа только подчеркивает ее идеальные кукольные черты. Она похожа на маленькую птичку, такую грациозную и хрупкую — и Боже... столь невыносимо юную. Я прислоняюсь к стене и качаю головой. Если я не вырвусь из этого безумия, то просто сойду с ума.

После того как она закончила свою партию, я ухожу. Но вместо того чтобы направиться к выходу, иду в обход прямо за кулисы к большому столу, где

посетители оставляют цветы, предназначенные специально для танцоров. Странный способ, но мне подходит. И как всегда, я оставляю одну розу и иду к выходу.

Бьянка

— С тобой хочет поговорить отец, — говорит мама.

Не обращая на нее внимания, я заворачиваю последний из своих костюмов в тонкую белую бумагу, расправляя полупрозрачную ткань фатиновой юбки. Затем я складываю ее в большую белую коробку, где уже хранятся остальные мои костюмы, и закрываю крышку. Все, что осталось от моей карьеры профессиональной танцовщицы, теперь будет пылиться в этой коробке. Я не ожидала, что все закончится так быстро. Звезда Чикагского оперного театра, которая в шестнадцать лет стала примой-танцовщицей в своей труппе, покидает балет и уходит на пенсию, едва достигнув двадцати одного года. Пятнадцать лет упорного труда насмарку из-за какой-то глупой травмы. Когда я поворачиваюсь, чтобы поставить коробку на дно шкафа, мне хочется разрыдаться, но я сдерживаю слезы. Какой в этом смысл?

— Он у себя в кабинете, — продолжает мама. — Не заставляй его тебя ждать, Бьянка. Это важно.

Я жду, пока она уйдет, затем направляюсь к двери, но, остановившись перед столиком, смотрю на хрустальную вазу, в которой стоит одна-единственная желтая роза. Обычно после выступления я передаю все полученные цветы в детскую больницу. Но это единственная, которую я оставила себе. Я протягиваю руку и провожу по ее длинному гладкому стеблю,

обвитому желтой шелковой лентой с золотистыми узорами. Последние полгода после каждого выступления мне оставляли всего одну розу. Никакой записки. Ни подписи. Ничего. Что ж, эта будет последней.

Я выхожу из комнаты и направляюсь вниз, в самую дальнюю часть дома, где находятся кабинеты моего отца и брата. Несмотря на то что тупая боль в спине почти прошла, я уже давно перестала себя обманывать, что это несерьезно. Ведь я больше никогда не смогу выдержать шестичасовые тренировки пять раз в неделю.

Дверь кабинета моего отца открыта, поэтому я без стука вхожу внутрь, закрываю дверь и встаю напротив его стола. Он не обращает на меня никакого внимания, а просто продолжает что-то писать в своем кожаном дневнике. Такой человек, как Бруно Скардони, никогда не признает людей равными себе, во всяком случае не раньше, чем посчитает это нужным. Ему нравится наблюдать, как они нервничают, когда он демонстрирует свою власть над ними. Какая жалость, что меня никогда не волновали его властные игры, поэтому я без особого приглашения сажусь в кресло и скрещиваю руки на груди.

— Я вижу, ты плохо себя ведешь, впрочем как и всегда, — говорит он, не поднимая головы от дневника. — Я рад, что твое непослушание скоро станет чужой проблемой.

При этих словах мое сердцебиение учащается, но я стараюсь не выдавать своей тревоги. Отец похож на хищника, который только и ждет, когда его жертва проявит слабость, чтобы напасть, ударив в самое уязвимое место.

— Мы подписываем перемирие с русскими, — говорит он и поднимает на меня глаза. — Ты выходишь

замуж за одного из людей Петрова на следующей неделе.

Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя, затем я смотрю отцу прямо в глаза и шевелю губами, как бы проговаривая слово «нет».

— О, это был не вопрос, Бьянка. Все уже согласовано: дочь босса для одного из его людей. Поздравляю, любовь моя. — Ехидная ухмылка растекается по его лицу.

Я хватаю с его стола лист бумаги и ручку, быстро записываю несколько строк и передаю ему. Он смотрит на записку, стискивая зубы.

— Ты думаешь, я не смогу тебя заставить? — усмеивается он.

Я хотела было встать, но он, наклонившись ко мне, хватая меня за руку и бьет по лицу, да с такой силой, что моя голова откидывается в сторону. В ушах звенит, я делаю глубокий вдох и снова поворачиваюсь к отцу. Медленно беру листок бумаги с другого конца стола, куда он швырнул его, расправляю края бумаги, кладу его на стол перед ним и указываю пальцем на написанные мною слова, после чего направляюсь к двери. Никогда меня не выдадут насильно замуж, тем более за какого-то русского мерзавца.

— Если ты не сделаешь этого, я отдам им Милену.

От его слов я застываю на месте. Он не посмеет. Моей младшей сестре всего восемнадцать. Она же еще совсем ребенок. Я поворачиваюсь, смотрю ему прямо в глаза и понимаю: он сделает это.

— Я вижу, что привлек твое внимание. Хорошо. — Он указывает мне на стул, с которого я только что вскочила. — Вернись на место.

Эти несколько шагов дались мне с большим трудом, наверное самое мучительное, что я когда-либо делала в своей жизни. Мои ноги словно свинцом налиты.

— Теперь, когда все решено, несколько напутственных слов. Ты будешь послушной и покорной женой для своего мужа. Правда, я до сих пор не знаю, кто это будет, но это не столь важно. Важно то, что это будет кто-то из окружения Петрова.

Я наблюдаю за тем, как он медленно откидывается в своем кресле и достает сигару из коробки, стоящей перед ним.

— Ты обуздаешь свой нрав, позволишь ему делать с тобой все, что ему заблагорассудится, до тех пор, пока не завоеешь его доверие. Вероятно, он недооценит тебя, как это обычно бывает, когда люди узнают, что ты не можешь говорить. И когда он начнет с тобой откровенничать, болтать о бизнесе, — он указывает сигарой в мою сторону, — ты запомнишь все: о чем он говорит, каждую мелочь, о том, как они организованы, какие маршруты они используют для транспортировки, все, что он может упомянуть.

Открыв выдвижной ящик своего стола, он достает телефон разового пользования и протягивает его мне.

— Ты будешь сообщать мне все, что узнаешь. Каждую мелочь. Ты поняла меня, Бьянка?

Теперь все становится более-менее понятно. Какой же гениальный план он придумал: избавиться от своего проблемного ребенка и завоевать расположение дона, пожертвовав одну из своих дочерей кому-нибудь из членов Братвы в мужья, при этом убедившись, что именно он получит секретную информацию о русских. Действительно, блестяще.

— Я задал тебе вопрос! — прорычал он.

Наклонив голову в сторону, я смотрю на него, жалея, что у меня нет пистолета под рукой. Я представляю, как направила бы дуло ему между глаз и выстрелила. Я б не промахнулась. За эти годы мой брат убедился

в том, что я превосходный стрелок. Он тайком брал меня с собой на тренировки по стрельбе. Не уверена, что смогла бы убить собственного отца, но представлять это весьма приятно.

Я киваю, беру телефон со стола и ухожу из кабинета, краем глаза заметив его довольную ухмылку. Пусть верит во что хочет. Может быть, я и выйду замуж за человека из Братвы, но сделаю это ради сестры, а не потому, что он мне приказал. Я не буду играть в его шпиона. И уж точно я не стану снова умирать ради него.

Михаил

Когда Роман Петров, наш пахан, входит в обеденный зал, все встают и ждут, пока он займет место во главе стола. Он прислоняет трость к стулу и кивает нам, давая знак, чтобы мы сели на свои места. Первый стул по правую руку от него остается пустым. Вероятно, его жене снова нездоровится. Я думал, что беременных тошнит только по утрам, но, судя по тому, что я услышал на кухне, Нину Петрову мучает токсикоз уже несколько недель подряд.

Роман поворачивается к домработнице и указывает в сторону двери:

— Выйди и закрой за собой дверь, Валентина. Я позову тебя, когда мы закончим.

Кивнув головой, она мигом выбегает из комнаты, закрывая за собой двойные двери. Похоже, что перед ужином мы обсудим деловые вопросы. Роман откидывается в своем кресле, и я с нетерпением жду, что же такого он приготовил нам сегодня. В по-

следний раз, когда он вызывал нас всех к себе, то сообщил, что тайно женился на девушке спустя два дня после их знакомства.

— Как вам уже известно, мы объявляем перемирие с итальянцами, — говорит он. — Они согласились с моими условиями, я — с их, и, чтобы скрепить нашу сделку, остается только организовать свадьбу. — Он приподнимает брови. — Итак, кто хочет стать счастливым женихом?

Никто и слова не произнес. Среди Братвы не принято заключать договорные браки. Это всегда было по части итальянцев, и никто не хочет получить в подарок троянского коня. А эта девушка будет именно такой, и все это знают. Интересно, кого же он выберет? Конечно, это буду не я, Роман слишком хорошо меня знает. И уж точно не Сергей. Никто в здравом уме даже тостер не доверит этому сумасшедшему, не говоря уже о человеке. Максим слишком стар, поэтому я ставлю на Костю или Ивана.

— Что, никто из вас не хочет получить хорошенькую итальяночку? Может быть, это сможет вас убедить. — Он достает из кармана своего пиджака фотографию и передает ее Максиму. — Бьянка Скардони, средняя дочь итальянского капо Бруно Скардони и до недавнего времени прима-балерина Чикагского оперного театра.

Я чувствую, как каждый мускул моего тела напрягается. Этого просто не может быть.

— Им действительно нужен этот союз. — Роман улыбается. — На кону самая красивая девушка итальянской мафии.

Максим передает фото Павлу, скрещивая руки на груди, и смотрит на Романа: — В чем подвох?

— С чего ты взял?

— Как бы сильно итальянцы ни хотели этого союза, они никогда бы не отдали Братве дочь капо, особенно с такой внешностью. Наверное, с ней что-то не так.

— Ну что ж, возможно, небольшой подвох все же есть, но я скорее бы назвал это бонусом. — Роман ухмыляется.

Я беру фотографию у Павла и смотрю на нее. Она еще красивее: распущенные волосы обрамляют ее прекрасное лицо, а светло-карие глаза улыбаются в камеру. Стиснув зубы, я передаю фотографию Ивану. Одна мысль о том, что кто-то из моих приятелей получит ее, вызывает у меня волну ярости. Я изо всех сил хватаюсь за ручки кресла, чтобы ненароком что-нибудь не разбить.

Иван смотрит на изображение, приподнимает брови и, подталкивая Дмитрия локтем, передает ему фотографию.

— Не похожа она... на истинную итальянку. — Дмитрий указывает на фотографию. — Я думал, у всех итальянок темные волосы. Ее что, удочерили?

— Нет. Бабушка по материнской линии была норвежкой, — бросает Роман.

Следующий на очереди Сергей, но он даже не взглянул на фото, сразу же передает его Косте.

— Черт, а она ничего такая, — присвистывая, Костя качает головой. — У тебя есть другое фото? Желательно пооткровеннее.

Сосредоточившись на стене напротив, я еще сильнее сжимаю стул, стараясь сдержать желание врезать Косте по лицу или сделать что-нибудь гораздо хуже, например забрать девушку себе. Костя все так же пристально рассматривает фотографию, и, когда на мгновение я представляю, как он кладет на нее

свои мерзкие руки, мой самоконтроль улетучивается за долю секунды.

— Она будет моей, — говорю я.

Мертвая тишина заполняет комнату, а все взгляды устремляются в мою сторону, и в каждом из них читается удивление и неверие. Я поворачиваюсь к Роману, который смотрит на меня с недоумением.

— Интересный поворот, — говорит он. — Я уж было подумал отдать ее Косте, если никто не проявит желания. Он как раз ее ровесник.

— Что ж, теперь он ее не получит.

— Ты ведь еще не знаешь главного, Михаил. Возможно, ты передумаешь.

— Нет, не передумаю.

— Ну что ж. — Пожав плечами, Роман отпивает из чашки. — Тогда решено.

Ужин проходит в полном молчании, что довольно необычно. Вместо того чтобы говорить о делах или смеяться над шутками, сегодня все, кажется, слишком увлечены своей едой. Но я вижу, что время от времени парни бросают свои взоры в мою сторону. Они, видимо, думают, что же нашло на меня, что я вдруг решил забрать девчонку себе. Но мне все равно, пусть думают, что хотят. Она моя, на этом все.

После ужина Роман кивает в мою сторону, и я следую за ним вниз по длинному коридору напрямик в его кабинет. Он садится в кресло, расположенное в углу, а я остаюсь стоять, оперевшись о стену.

— Ей всего двадцать один. Ты слишком стар для нее, Михаил.

— Десять лет не такая уж большая разница. Вы старше своей жены на одиннадцать.

— Но я молод душой, — говорит он, улыбаясь.

— Конечно.

Литературно-художественное издание

Нева Алтай

Прерывистый шепот

<i>Ответственный редактор</i>	<i>София Папикян</i>
<i>Выпускающий редактор</i>	<i>Галина Логвинова</i>
<i>Технический редактор</i>	<i>Татьяна Ткачук</i>
<i>Переводчик</i>	<i>Яна Гилявская</i>
<i>Компьютерная верстка</i>	<i>Даши Комиссарова</i>

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Тираж 5 000 экз. Заказ №

ООО «Феникс»
344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-75
Сайт издательства: www.phoenixrostov.ru

Свои пожелания и предложения по качеству и содержанию книг
вы можете сообщить по e-mail: idea@fenixrostov.ru

Изготовлено в России. Дата изготовления: 11.2024.